

©

Ефремова К.А.
МГИМО (У) МИД России

КРИЗИС ВОКРУГ РОХИНДЖА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ и ГЛОБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Проблема правового статуса мусульман-рохинджа волнует мировое сообщество уже не первое десятилетие. Очередная волна международной критики в отношении правительства Мьянмы, не предпринимающего адекватных мер для решения данной проблемы, поднялась в конце августа — начале сентября 2017 г., когда сотни тысяч представителей этой непризнанной народности бежали за пределы страны, спасаясь от эскалации насилия в районах их компактного проживания. ООН уже назвала рохинджа «одним из самых отвергнутых, преследуемых и уязвимых сообществ в мире»¹. Верховный комиссар ООН по правам человека Зейд Раад аль-Хусейн охарактеризовал происходящее в Ракхайнской национальной области Республики Союз Мьянма как «хрестоматийный пример этнических чисток»². События в Мьянме осудил генеральный секретарь ООН Антониу Гуттериш. В защиту рохинджа выступили авторитетные международные организации Amnesty International и Human Rights Watch, правозащитные группы бирманских эмигрантов, видные представители исламского мира.

Митинги солидарности с рохинджа проходят по всему миру, как когда-то проходили митинги солидарности с До Аун Сан Су Чжи — выдающейся мьянманской диссиденткой и правозащитницей, по иронии судьбы обвиняемой теперь международной общественностью в проведении целенаправленной политики по дискриминации непризнанной народности. В интернете набирает силу кампания по дискредитации Су Чжи: петиция на портале Change.Org с требованием лишить государственного советника Мьянмы её Нобелевской премии мира, полученной в 1991 г., собрала уже свыше 400 тыс. подписей³. Ещё в декабре 2016 г. тринадцать лауреатов Нобелевской премии мира и десять выдающихся политических деятелей, осуждая бездействие Су Чжи, выступили с открытым письмом на имя Председателя Совбеза ООН, требуя срочно рассмотреть ситуацию с рохинджа и принять необходимые меры для её скорейшего разрешения⁴. В сентябре 2017 г. аналогичное требование нобелевских лауреатов прозвучало повторно⁵. И вот,

наконец, Совет Безопасности ООН, впервые за девять лет придя к единодушному мнению по ситуации в Мьянме, сделал заявление для прессы, в котором выразил глубокую озабоченность новым всплеском насилия в Ракхайне и призвал правительство страны принять неотложные меры по деэскалации конфликта⁶.

Так что же на самом деле происходит в Мьянме: «геноцид рохинджа», как заявляют некоторые политики (президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган⁷, министр иностранных дел Бангладеш Абул Хасан Махмуд Али⁸ и др.), или контртеррористическая операция против исламских боевиков Армии спасения рохинджа Ракхайна (АСРР), как утверждает официальный Нейпидо? Чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо суммировать имеющиеся сведения о затяжном ракхайнском конфликте, которые позволят нам представить данную проблему комплексно, рассмотрев её на нескольких уровнях: национальном, региональном и глобальном. Детальный анализ даст возможность выяснить, действительно ли мы имеем дело с целенаправленным преследованием буддийским большинством мусульманского меньшинства, как зачастую представляют эту ситуацию в СМИ, или, помимо этноконфессиональной составляющей (которая лежит на поверхности), конфликт подпитывают и другие факторы, не имеющие прямого отношения к расе и религии. Кроме того, несомненный практический интерес представляет исследование возможных вариантов решения данной проблемы, а также потенциальных последствий эскалации конфликта вокруг рохинджа как для самой Мьянмы, так и для региона в целом.

Учитывая актуальность данной темы, неудивительно, что в последние годы она широко освещалась мировым правозащитным, экспертным и академическим сообществом. Изучением проблемы рохинджа занимались многие авторы, в их числе А.А. Симония⁹, А. Селт¹⁰, А. М. Таунхмун¹¹, Зин Мин¹², Ж.П. Лейдер¹³, Т. Гибсон, Х. Джеймс, Л. Фалвей¹⁴, Н. Кипген¹⁵, Тарапхи Тан¹⁶, С.Н. Парнини¹⁷, Ни Ни Чжо¹⁸, Эй Чан¹⁹, О. Фрейзер²⁰, Н. Чисман²¹, Л.Н. Кингстон²² и др. Аналитические доклады по данной теме издавали известные международные исследовательские центры, например, International Crisis Group (ICG)²³. Вместе с тем, значительный процент публикаций, посвященных этой проблематике, имеет заведомо ангажированный характер, что затрудняет её объективное рассмотрение. Выработка сбалансированного, непредвзятого взгляда на развитие ситуации в Ракхайне имела бы безусловную научную ценность. Руко-

водствуясь этим пониманием, в данной статье мы предприняли попытку оценить ракхайнские события, основываясь на таких источниках как информационные материалы Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ)²⁴, данные мьянманской Комиссии по расследованию ситуации в районе Маундо Ракхайнской национальной области²⁵ во главе с первым вице-президентом У Мьин Схвеем, Консультативной комиссии по Ракхайну²⁶ во главе с бывшим генсеком ООН Кофи Аннаном, сообщения ведущих мьянманских и мировых СМИ.

Национальные аспекты

Кто же такие рохинджа, о которых сегодня говорит весь мир?

Рохинджá (или, как их ещё называют в ооновских документах, рохинья) — самоназвание этнической группы, говорящей на читтагонгском диалекте бенгальского языка и исповедующей ислам суннитского толка. Представители данной народности компактно проживают на севере Ракхайнской национальной области (РНО) Республики Союза Мьянма. Предки рохинджа начали активно заселять эти территории после того, как провинции Аракан (ныне Ракхайн) и Тенассерим (ныне Танинтайи) были присоединены к британским колониальным владениям по итогам первой англо-бирманской войны (1824-1826). Таким образом, некоторые семьи рохинджа проживают в Ракхайне уже несколько поколений. Однако, несмотря на это, власти страны не признают их гражданами Мьянмы, исключив рохинджа из официального списка, куда входят 135 коренных народов (*тайн-ийн-та лумьоу*), и даже отказываются использовать сам этноним «рохинджа», называя представителей данной народности «бенгальцами-мусульманами».

Массовый приток иммигрантов из перенаселённой Бенгалии в середине XIX — начале XX вв., когда колониальная Бирма входила в состав Британской Индии, стал причиной значительных демографических диспропорций, спровоцировавших конфликт между пришлым и коренным населением Ракхайна. Взаимное недоверие и борьба за ограниченные ресурсы (в первую очередь, за право на владение землёй) привели к кровавым событиям 1942-1943 гг., получившим у британских историков название «араканская резня» (*the Arakan massacre*). Точное число людей, павших жертвами коммунальной розни с обеих сторон в те годы, до сих пор не установлено — счёт идёт на десятки тысяч. Эти трагические события оста-

вили о себе недобрую память, омрачив отношения между буддийской и мусульманской общинами на десятилетия вперед.

В 1946 г., незадолго до раздела Британской Индии, делегация старейшин рохинджа прибыла в Карачи, чтобы обсудить с лидерами Мусульманской лиги вопрос о включении в состав Восточного Пакистана Маундо, Бутидауна и Ратейдауна — пограничных районов Ракхайна, где бенгалоязычные мусульмане составляли большинство населения. Получив отказ от англичан, в апреле 1948 г. они подняли восстание, провозгласив себя моджахедами и объявив джихад против «неверных» (рангунского правительства²⁷). Однако часть мусульманских лидеров осталась верна центральному правительству Бирмы, и правительство отплатило им за лояльность, выдав мусульманскому населению Маундо и Бутидауна национальные регистрационные карты (удостоверения личности) и позволив ему участвовать в выборах. Во времена парламентской демократии (1948-1962) мусульмане неоднократно принимали участие в голосовании и даже избирались в национальный парламент²⁸.

Всё изменилось, когда к власти пришёл генерал Не Вин: сначала во главе Революционного совета (1962-1974), а затем — в качестве лидера Партии бирманской социалистической программы (1974-1988). Проводя политику, направленную на изгнание из страны китайцев, индийцев и пакистанцев (к которым причисляли и рохинджа), новое правительство инициировало широкомасштабную кампанию по обнаружению и поимке нелегальных иммигрантов, которая осуществлялась в 1977-78 гг. в Шанской, Монской, Каренской, Качинской, Ракхайнской национальных областях и на собственно бирманских территориях. Проверки документов проводились в крупных транспортных узлах: железнодорожных вокзалах, автостанциях, аэропортах, речных портах²⁹. В результате данной операции, проводимой силами армейских подразделений и прикнувших к ним добровольцев из числа местных буддистов-ракхайнцев, более 200 тыс. рохинджа были вынуждены покинуть Ракхайн и бежать в Бангладеш³⁰. Позднее большая часть беженцев была репатриирована.

В октябре 1982 г. бирманским парламентом был принят закон о гражданстве, согласно которому граждане страны разделялись на три категории: полноправные (чьи предки проживали в Бирме до 1823 г.), ассоциированные (получившие гражданство в 1948 г. согласно Акту о гражданстве Союза) и натурализованные (проживавшие в стране до 4 января 1948 г. и подавшие прошение о граж-

данстве после 1982 г.)³¹. В соответствии с новым законом, рохинджа теряли право называться «коренным народом» и, соответственно, лишались бирманского гражданства; при этом они могли натурализоваться лишь под именем «бенгальцы». В 1983 г. была проведена всеобщая перепись населения, не учитывающая некоренное мусульманское население Ракхайна. Таким образом, рохинджа были фактически объявлены вне закона, лишившись права на образование, здравоохранение и политическое представительство.

Придя к власти в сентябре 1988 г., Государственный совет по восстановлению законности и правопорядка (с ноября 1997 г. — Государственный совет мира и развития) продолжил курс на ужесточение миграционной политики, интенсифицировав кампанию по перерегистрации населения в соответствии с законом 1982 г.. Согласно новым правилам, желающим получить мьянманское гражданство бенгальцам-мусульманам следовало отказаться от этнонима «рохинджа» и подтвердить, что их предки проживали на территории Мьянмы на протяжении трёх поколений, предоставив все необходимые официальные документы. Как правило, большинство рохинджа не могли доказать своё право на мьянманское гражданство и пополняли ряды нелегальных иммигрантов. В 1991-1992 гг. военные власти инициировали очередную кампанию по вытеснению нелегалов-рохинджа за пределы Мьянмы, в ходе которой в Бангладеш бежали около 250 тыс. представителей этой народности³².

После самороспуска ГСВЗП/ГСМР и передачи власти гражданскому правительству У Тейн Сейна в марте 2011 г. политика по маргинализации рохинджа не претерпела существенных изменений. В феврале-августе 2015 г. парламент Мьянмы принял пакет из четырёх законов «о защите нации и религии», очевидно нацеленных на ограничение прав мусульман (в первую очередь, рохинджа): о контроле над народонаселением (рождаемостью), о процедуре перехода в другую религию, о межконфессиональных браках и о моногамии. Данный пакет был подготовлен с подачи ультранационалистической буддийской Ассоциации по защите нации и религии (известной по своему акрониму Ма Ба Та), которая в 2013 г. собрала 2,5 млн. подписей в поддержку законодательного запрета браков между мужчинами-мусульманами и женщинами-буддистками. При этом мьянманские законодатели руководствовались «благими» намерениями: воспрепятствовать мусульманам иметь несколько

жён, рожать по 10-12 детей и обращать в свою веру буддистов, то есть «остановить вторжение ислама в Мьянму»³³. Эта инициатива получила открытую поддержку президента У Тейн Сейна.

Новое демократическое правительство У Тхин Чжо, сформированное по результатам парламентских выборов, прошедших в ноябре 2015 г., победу на которых одержала оппозиционная Национальная лига за демократию (НЛД), в вопросе о предоставлении гражданства рохинджа заняло не менее жёсткую позицию, чем его предшественники. Однако, по-прежнему отрицая сам факт существования данной этнической группы, правительство, тем не менее, предприняло ряд шагов, направленных на снижение межобщинной напряженности в Ракхайне. В частности, в марте 2017 г. Государственный комитет по делам сангхи (высший буддийский орган в Мьянме) запретил одному из лидеров Ма Ба Та, монаху Ашин Вирату (которого американский журнал «Тайм» назвал «лицом буддийского террора») читать проповеди сроком на один год за его исламофобские высказывания, а пару месяцев спустя распустил и саму Ма Ба Та как «созданную не в соответствии с установленными правилами». Тем не менее, как и в случае запрещённой в сентябре 2013 г. к использованию в политических целях буддийской символики «969», буддийские националисты легко нашли выход из создавшейся ситуации, проведя ребрендинг Ма Ба Та: с мая 2017 г. она стала называться «Фонд Будда Дхамма Парахита» и продолжила свою деятельность³⁴.

Очередной всплеск напряжённости в Ракхайне имел место в октябре 2016 г., когда три пограничных поста в районах на севере национальной области, граничащих с Бангладеш, подверглись нападениям рохинджийских боевиков. Были убиты сотрудники пограничной полиции, похищено огнестрельное оружие и боеприпасы. Ответственность за теракты взяла на себя группировка под названием «Движение веры» (Narakah al-Yaqin). Её лидер, полевой командир Ата Улла (известный также как Абу Аммар Джунуни или Хафиз Тохар), родился в Карачи и вырос в Мекке в семье эмигрантов-рохинджа. По данным ICG, он, в числе других молодых рохинджа, проживающих в Саудовской Аравии, проходил боевую подготовку в Пакистане и Афганистане. Эти люди руководили вылазкой боевиков. Основную массу нападавших составили местные рохинджа — жители приграничных деревень, вооружённые ножами и рогатками, которых было около четырёхсот человек³⁵. В ответ на террористические акты в Маундо и Ратейдауне мьянманские власти

объявили о создании ополчения из ракхайнцев-буддистов и начали полномасштабную войсковую операцию, которая продолжалась до 15 февраля 2017 г.

В ходе операции международные наблюдатели неоднократно обвиняли мьянманских силовиков в грубейших нарушениях прав рохинджа. В частности, в лагерь беженцев на мьянманско-бангладешской границе была направлена мониторинговая миссия Управления верховного комиссара ООН по правам человека, зафиксировавшая свидетельства рохинджа о негуманном обращении с ними правительственных войск. Для расследования этих обстоятельств была создана специальная комиссия во главе с первым вице-президентом генерал-лейтенантом У Мьин Схвеем. Также ситуацию в Ракхайне изучала образованная в августе 2016 г. по предложению мьянманского правительства международная Консультативная комиссия, которую возглавил бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан. В течение г. члены комиссии знакомились с ситуацией на местах и тщательно документировали всё происходящее в Ракхайне. 24 августа 2017 г. Консультативная комиссия представила правительству Мьянмы развёрнутый доклад с рекомендациями, как выйти из сложившегося положения. А на следующий день боевики «Движения веры», переименованного в «Армию спасения рохинджа Ракхайна» (признанную в Мьянме террористической группировкой), вновь совершили вооруженное нападение на 30 полицейских постов и военную базу в Ракхайне. После этой провокации мьянманские власти приняли решение о возобновлении контртеррористической операции.

Региональные аспекты

Несмотря на то, что власти Мьянмы считают вопросы, связанные со статусом бенгальцев-мусульман, проживающих в Ракхайне, своим внутренним делом и выступают категорически против их интернационализации, проблема рохинджа так или иначе затрагивает все близлежащие страны. В первую очередь, это касается сопредельной Бангладеш, куда направлен основной поток рохинджийских беженцев. Граница между Мьянмой и Бангладеш (271 км) проходит по реке Наф, которую рохинджа пересекают на лодках, спасаясь от эскалации насилия в регионе. Между тем, бангладешские власти не считают рохинджа своими гражданами (на чём настаивают мьянманцы) и не собираются поселять их на своей территории. Максимум, что они делают для рохинджа, — это разме-

щают беженцев во временных лагерях на границе с Мьянмой, снабжая водой и продовольствием за счёт международных благотворительных организаций. Как только ситуация в Ракхайне стабилизируется, их депортируют обратно на родину. Так было во время массовых исходов конца 1970-х и начала 1990-х гг.; однако на сей раз, по всей видимости, мьянманские власти твёрдо намерены разрешить вернуться только тем из рохинджа, кто может документально подтвердить своё право на проживание в Мьянме (а таких, как уже было сказано, очень мало).

Судьба остальных рохинджа, наводнивших Бангладеш в августе-сентябре 2017 г. (по оценкам ООН, из Ракхайна бежало более 500 тыс. представителей этой народности)³⁶, остаётся неопределённой. Несмотря на громкую риторику в защиту единоверцев, ежедневно звучащую с официальных трибун, на практике бангладешские власти проводят в отношении рохинджа достаточно жёсткую иммиграционную политику. В частности, они ограничивают передвижение беженцев, запрещая им покидать временные лагеря и перемещаться вглубь страны, чтобы они не смешивались с местным населением³⁷. Бангладеш — одна из наиболее бедных и перенаселённых стран Южной Азии, и не располагает необходимыми ресурсами для аккомодации беженцев. Вместе с тем, другие мусульманские государства региона (Малайзия, Индонезия, Пакистан), яростно критикующие Мьянму за нарушение прав человека в отношении рохинджа, также не высказывают намерения разместить рохинджийских беженцев на своей территории. Решение проблемы они видят в том, чтобы предоставить рохинджа мьянманское гражданство и возложить ответственность за их судьбу на Нейпидо — на что вряд ли пойдёт нынешнее мьянманское правительство.

Невозможность полноценной интеграции мусульман-рохинджа в местное сообщество была подчёркнута в докладе специальной комиссии У Мьин Схвея, выдержки из которого опубликованы на сайте Посольства РСМ в Лондоне. В частности, в докладе отмечается, что «существуют чёткие различия в религии, обычаях, культурных традициях, социальных практиках и межличностных отношениях между коренным населением и мусульманами в округе Маундо. Сообщества живут обособленно, без какой-либо интеграции. С увеличением числа мусульман (как за счёт высокой рождаемости, так и за счёт нелегальной инфильтрации бенгальцев-рохинджа через границу — *прим. К.Е.*), неравные политические, экономические и социальные условия в совокупности с бедностью

и низким уровнем развития делают невозможным нахождение взаимоприемлемых решений существующих проблем»³⁸. Ответственность за террористические атаки и эскалацию насилия в регионе, повлекшие за собой массовый исход рохинджа, авторы доклада возложили на боевиков-исламистов. По их мнению, «деревенские жители знали об организации, подготовке и тренировке по совершению актов саботажа, включая поджоги, и были либо в контакте с террористами, либо вовлечены в эту деятельность в той или иной степени»; согласно официальной версии, «они бежали в соседнюю страну в основном из-за страха, обеспокоенности и опасений»³⁹.

Доклад мониторинговой миссии Управления Верховного комиссара ООН по правам человека в Бангладеш опровергает эту версию. Основываясь на интервью беженцев, авторы доклада обвиняют мьянманских силовиков в различных преступлениях: внесудебных казнях, убийствах мирных жителей, включая несовершеннолетних, пытках, избиениях и насилии над женщинами, а также в поджоге домов рохинджа и целенаправленном уничтожении их имущества — словом, в том, что принято называть «этническими чистками». Вместе с тем, правительство в лице государственного советника До Аун Сан Су Чжи категорически отвергает все обвинения⁴⁰. Более того, в докладе комиссии У Мьин Схвея отмечается, что «безопасность и гарантии для коренного населения, проживающего в районах, где мусульмане составляют большинство, важны, также как важно справедливое отношение к мусульманам. Поскольку обычные мусульмане, стремящиеся вести мирную жизнь, составляют большинство и подвергаются запугиванию со стороны террористических группировок, важно обеспечить им защиту»⁴¹. Таким образом, правительство списывает сожжённые деревни и разорённые мечети на результаты подрывной деятельности исламских радикалов и экстремистов, фактически снимая с себя ответственность за происходящее.

Здесь следует сразу оговориться, что от межобщинной розни и террористических атак страдают не только рохинджа, но и представители коренного населения Ракхайна. В основном, они перемещаются вглубь страны и оседают у своих родственников, не регистрируясь как беженцы, поэтому точное число пострадавших установить невозможно. Судьба этих людей, к сожалению, не волнует международных правозащитников, поэтому о них мы практически ничего не слышим в новостях. Тем не менее, в Мьянме регулярно проходят митинги в их поддержку, на которые демонстранты

приходят с плакатами «Рохинджа — не граждане Мьянмы!» и «Нет рохинджа!». В свою очередь, мусульмане других стран проводят демонстрации под лозунгами «Остановите геноцид!» и «Спасите рохинджа!». Как мы видим, мнения о том, кого и от кого нужно спасать, принципиально расходятся, что является дополнительным фактором обострения обстановки в регионе. В целом, значительная часть населения Мьянмы поддерживает контртеррористическую операцию, в ходе которой рохинджа массово бегут в соседнюю Бангладеш. В обществе сложился определённый консенсус относительно «чужеродности» рохинджа, их неспособности интегрироваться в буддийский социум (как это сделали другие мусульманские меньшинства, например, каман), что подпитывает антирохинджийские настроения среди простых мьянманцев и провоцирует дальнейшую эскалацию межобщинного конфликта.

Что на самом деле происходит в Ракхайне, сказать довольно трудно, но ясно одно — масштабы гуманитарной катастрофы на юго-западе Мьянмы вряд ли преувеличены, и это обстоятельство имеет серьёзные последствия для всего региона. В первую очередь, очередное обострение ракхайнского конфликта ставит под угрозу единство АСЕАН. Проблема мусульман-рохинджа расколола Ассоциацию по конфессиональному признаку: в то время как бóльшая часть государств-членов выразила понимание мьянманской позиции, такие влиятельные мусульманские страны как Малайзия и Индонезия обрушились на Нейпидо с резкой критикой, протестуя против негуманного обращения с единоверцами. В результате в сентябре 2017 г. асеановские министры иностранных дел не смогли согласовать текст совместного заявления по ситуации в Мьянме, и делать соответствующее заявление пришлось председателю АСЕАН — Филиппинам.

Говоря о региональной реакции на ситуацию в Ракхайне, невозможно обойти стороной позицию двух крупнейших держав региона — Китая и Индии, которые недвусмысленно поддержали официальный Нейпидо. Так, индийский премьер-министр Нарендра Моди во время своего визита в Мьянму (5-7 сентября 2017 г.) в совместном с До Аун Сан Су Чжи заявлении осудил террористические атаки на севере Ракхайна и предложил мьянманцам помощь в развитии ракхайнских инфраструктурных и социоэкономических проектов⁴². Аналогичного видения ситуации в Ракхайне придерживаются и китайские официальные лица. В частности, китайский министр иностранных дел Ван И подчеркнул, что «необходимо с по-

ниманием отнестись к попыткам правительства Мьянмы обеспечить социальную стабильность»⁴³. Таким образом, китайский дипломат дал понять, что Китай не будет критиковать Мьянму за те меры, которые предпринимают её власти по отношению к мусульманам-рохинджа. Мьянма, со своей стороны, уже заявила, что согласна начать процесс репатриации беженцев-рохинджа из Бангладеш на условиях, согласованных с Даккой в 1993 г. (т.е. принимать обратно только тех, кто может подтвердить своё право находиться на мьянманской территории)⁴⁴. Эти события свидетельствуют о том, что в урегулировании конфликта вокруг рохинджа на региональном уровне наметились определённые подвижки, хотя говорить об окончательном решении данной проблемы пока преждевременно (если вообще возможно).

Глобальные аспекты

Проблема мусульман-рохинджа, которую мы до этого рассматривали на национальном и региональном уровнях, имеет и третье, глобальное измерение. Здесь следует выделить два аспекта: (1) реакцию ООН и в целом мирового сообщества, с одной стороны, и (2) тенденцию к глобализации локальных конфликтов, с другой.

Международная реакция на гуманитарный кризис в Ракхайне продемонстрировала влияние правозащитных организаций (причём не только таких известных как Amnesty International и Human Rights Watch, но и небольших, вроде Rohingya Alert), их способность определять умонастроения в собственных странах и даже задавать мировую повестку дня (например, через средства массовой информации или даже механизмы ООН). Однако при этом выяснилось, что государству, не обладающему контролем над глобальными информационными ресурсами (такому, как Мьянма), практически нечего противопоставить непрерывному потоку обвинений и компромата (порою откровенно сфабрикованного), активно распространяемых мировыми СМИ в рамках кампании, направленной на его дискредитацию. Стоит отметить, что общий информационный фон освещения нынешних событий был резко негативным, в то время как позитивные действия мьянманского правительства по выходу из сложившегося кризиса (например, создание комитета по выполнению рекомендаций Консультативной комиссии Кофи Аннана) не нашли объективного отражения в СМИ. Также практически не поднималась тема террористических атак, послуживших причиной проведения контртеррористической операции в Ракхайне

(со всеми её печальными последствиями для местного населения). Такая предвзятая подача материала сформировала у международной общественности искажённое представление о целенаправленных «этнических чистках», якобы осуществляемых правительством Мьянмы в отношении рохинджа. Как подчёркивала Нобелевский лауреат До Аун Сан Су Чжи, это не соответствует действительности.

Особенные опасения вызывает наметившаяся связка между террористическими актами АСРР и их позитивным освещением в СМИ (дилемма «террористов» или «борцов за свободу»). В частности, некоторыми журналистами было положительно воспринято пропагандистское заявление АСРР об одностороннем прекращении огня, очевидно нацеленное на создание благоприятного международного имиджа этой группировки (которую в Мьянме признали террористической). Между тем, есть основания полагать, что боевики АСРР специально сжигали рохинджийские деревни и запугивали местное население, заставляя его бежать в Бангладеш, ради получения желаемой информационной картины «зверств», которые потом приписывались мьянманской армии⁴⁵. Все эти обстоятельства говорят о том, что перед нами — не просто стихийные проявления межобщинной розни (как это бывало прежде), а тщательно спланированная диверсионная акция, спонсоры и заказчики которой пока что остаются в тени.

Тенденция к глобализации локальных конфликтов, таким образом, проявляется в том, что международные террористические группировки начинают использоваться их закулисными патронами и спонсорами для решения локальных политических задач — таких, например, как смена неудобного правительства или создание регионального очага напряжённости. Если рассматривать ситуацию в Юго-Восточной Азии, то подобные очаги уже есть в Индонезии, на Филиппинах, в южном Таиланде, теперь и в Мьянме. Их принципиальное отличие от традиционных конфликтов «первого поколения», где основными движущими силами выступали местные сепаратисты, отстаивавшие свои собственные интересы (пусть и при определённой поддержке извне), заключается, на наш взгляд, в ярко выраженном доминировании интернационального компонента: боевики проходят подготовку за рубежом, ими руководят из-за рубежа, после совершения терактов они бегут за рубеж — а главное, цели, которые они при этом преследуют, также определяются их зарубежными кураторами. Можно сказать, что конфликты «второго по-

коления» основаны на использовании сложившейся на местах кризисной ситуации как предлога для развязывания глобальной диверсионно-террористической войны, главным объектом которой является государственная инфраструктура противника⁴⁶. Кроме того, как показывают недавние события в Ракхайне, диверсионно-террористическая война, получившая надлежащее освещение в СМИ, постепенно переходит в войну информационную. Таким образом, ракхайнский конфликт, будучи сугубо локальным по своей сути, приобрёл глобальное международное значение.

* * *

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что проблема бенгальцев-рохинджа является многомерной, с глубокими историческими корнями. По-видимому, она не может быть решена одними лишь усилиями правительства Мьянмы, предпринимаемыми на национальном уровне, поскольку имеет не только национальное, но также региональное и глобальное измерения. При этом стоит подчеркнуть, что жёсткая политика центрального правительства по отношению к мусульманам-рохинджа, даже будучи поддержанной широкими слоями населения, объективно не способствует эффективному разрешению ракхайнского конфликта. Следует признать, что в нынешнем обострении ситуации в Ракхайне отчасти виноваты и сами мьянманские власти, долгие годы рассматривавшие рохинджа как чужеродный элемент, лишённый элементарных гражданских прав. Маргинализация бенгальцев-мусульман, фактический запрет на получение ими образования, медицинского обслуживания и свободное передвижение по стране привели к тому, что основная их масса сосредоточилась в переполненных гетто, где молодёжь не имела ни постоянной работы, ни жизненных перспектив. В этой взрывоопасной обстановке происходила и происходит нелегальная инфильтрация боевиков и радикальных проповедников из Бангладеш, вербующих единоверцев в исламистские бригады. В силу крайнего социального неблагополучия молодое поколение рохинджа представляет собой благодатную почву для распространения экстремистских взглядов. Как следствие, всё это создаёт питательную среду для деятельности радикальных исламистов, с которыми сейчас вынуждены бороться мьянманские вооружённые силы. Таким образом, мусульмане-рохинджа (даже те из них, кто хотел бы жить мирной жизнью) стали, фактически, заложниками террористов. Всё это не может не тревожить центральное правительство и местную буддийскую общину.

Представляется, что выполнение мьянманскими властями рекомендаций Консультативной комиссии по Ракхайну во главе с Кофи Аннаном помогло бы снять остроту этой проблемы, обеспечив инклюзивность и развитие для обоих этноконфессиональных сообществ — буддийского и мусульманского. Очевидно, что дальнейшая изоляция рохинджа, вкупе с периодическими попытками вытеснить их за пределы страны, не являются эффективными способами урегулирования межобщинных противоречий в Ракхайне. Между тем, следует понимать, что для реализации части вышеупомянутых рекомендаций (о свободном перемещении, общедоступном образовании и здравоохранении, правах неграждан и т.д.) союзному руководству придётся преодолевать сопротивление националистически настроенных ракхайнцев, протестующих против любого послабления в отношении рохинджа, которых они (как и подавляющее большинство коренного населения Мьянмы) считают нелегальными иммигрантами из Бангладеш. Насколько это удастся правительству У Тхин Чжо, покажет время. Но верно и другое: в случае, если и далее не предпринимать никаких мер, направленных на интеграцию рохинджа в мьянманское общество, последствия этого могут быть самыми плачевными — как для самой Мьянмы, так и для всего региона Юго-Восточной и Южной Азии в целом.

---

¹ Burma: Study: Rohingya Among World's Most Persecuted // *UNHCR Refugee Daily*. 20.10.2014. Режим доступа: <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/refdaily?pass=52fc6fbd5&id=5445f0238>. Дата обращения: 13.09.2017.

² UN human rights chief points to 'textbook example of ethnic cleansing' in Myanmar // UN News Centre. 11.09.2017. Режим доступа: <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=57490#.WblbuchJbIU>. Дата обращения: 13.09.2017.

³ Take back Aung San Suu Kyi's Nobel Peace Prize // Change.Org. Режим доступа: <https://www.change.org/p/take-back-aung-san-suu-kyi-s-nobel-peace-prize>. Дата обращения: 13.09.2017.

⁴ Open letter to the President of the Security Council and member countries of the Council to end the human crisis of Rohingyas in Myanmar // Facebook. 29.12.2016. Режим доступа: <https://www.facebook.com/Professor.Muhammad.Yunus/posts/996372943802283:0>. Дата обращения: 13.09.2017.

⁵ Yunus sends open letter to UN urging its intervention to end Rohingya crisis // The Daily Star (Bangladesh). 05.09.2017. Режим доступа: <http://www.thedailystar.net/country/muhammad-yunus-open-letter-urges-united->

nations-un-intervention-end-rohingya-crisis-1457851. Дата обращения: 13.09.2017.

⁶ Совбез ООН призвал немедленно прекратить насилие в штате Ракхайн в Мьянме // РИА Новости. 13.09.2017. Режим доступа:

<https://ria.ru/world/20170913/1504719768.html>. Дата обращения: 13.09.2017.

(Примечательно, что предыдущее заявление по ситуации с рохинджа, вынесенное на рассмотрение СБ ООН 17 марта 2017 г., было заблокировано Китаем и Россией).

⁷ Turkey's Erdogan calls killing of Rohingya in Myanmar genocide // Reuters. 01.09.2017. Режим доступа: <http://www.reuters.com/article/us-myanmar-rohingya-turkey/turkeys-erdogan-calls-killing-of-rohingya-in-myanmar-genocide-idUSKCN1BC5A3>. Дата обращения: 13.09.2017.

⁸ Bangladesh FM: Violence against Rohingya 'is genocide' // Al Jazeera. 11.09.2017. Режим доступа: <http://www.aljazeera.com/news/2017/09/bangladesh-fm-violence-rohingya-genocide-170911023429604.html>. Дата обращения: 13.09.2017.

⁹ Симония А.А. Мьянма: кто такие рохинджа? И почему так трагична их судьба // Азия и Африка сегодня. 2009. № 11. С. 27–31; Симония А. А. Мьянма-2012: этноконфессиональный конфликт на юго-западе страны // Азия и Африка сегодня. 2013. № 2. С. 18–22; Симония А.А. Буддисты Мьянмы становятся влиятельной политической силой // Восточная аналитика. 2015. № 3. С. 41–53.

¹⁰ Selth A. Burma's Muslims: Terrorists or Terrorised? Canberra Papers on Strategy and Defence №150. Canberra: The Australian National University, Strategic and Defence Studies Centre, 2003. 51 p.

¹¹ Thawngmung A.M. The politics of indigeneity in Myanmar: competing narratives in Rakhine state // Asian Ethnicity. Routledge, 2016. Vol. 17, № 4. P. 527–547.

¹² Zin Min. Anti-Muslim Violence in Burma: Why Now? // Social Research. 2015. Vol. 82, № 2. P. 375–398.

¹³ Leider J.P. Rohingya: the name, the movement and the quest for identity // National Building in Myanmar. Yangon: Myanmar Egress & the Myanmar Peace Center, 2013. 204–255 p.

¹⁴ Rohingyas: Insecurity and Citizenship in Myanmar / ed. Gibson T., James H., Falvey L. Khao Rup Chang: Thaksin University Press, 2016. 150 p.

¹⁵ Kipgen N. Conflict in Rakhine State in Myanmar: Rohingya Muslims' Conundrum // Journal of Muslim Minority Affairs. 2013. Vol. 33, № 2. P. 298–310.

¹⁶ Than T. Nationalism, Religion, and Violence: Old and New Wunthanu Movements in Myanmar // The Review of Faith & International Affairs. Taylor & Francis, 2015. Vol. 13, № 4. P. 12–24.

¹⁷ Parnini S.N. The Crisis of the Rohingya as a Muslim Minority in Myanmar and Bilateral Relations with Bangladesh // Journal of Muslim Minority Affairs. 2013. Vol. 33, № 2. P. 281–297.

¹⁸ Kyaw N.N. Unpacking the Presumed Statelessness of Rohingyas // Journal of Immigrant & Refugee Studies. Taylor & Francis, 2017. Vol. 15, № 3. P. 269–286.

- ¹⁹ Aye Chan. The Development of a Muslim Enclave in Arakan (Rakhine) State of Burma (Myanmar) // SOAS Bulletin of Burma Research. 2005. Vol. 3, № 2. P. 396–420.
- ²⁰ Frazer O. International Engagement on Buddhist–Muslim Relations in Myanmar // The Review of Faith & International Affairs. 2015. Vol. 13, № 4. P. 82–86.
- ²¹ Cheesman N. How in Myanmar “National Races” Came to Surpass Citizenship and Exclude Rohingya // Journal of Contemporary Asia. Routledge, 2017. Vol. 47, № 3. P. 461–483.
- ²² Kingston L.N. Protecting the world’s most persecuted: the responsibility to protect and Burma’s Rohingya minority // The International Journal of Human Rights. Taylor & Francis, 2015. Vol. 19, № 8. P. 1163–1175.
- ²³ Myanmar: A New Muslim Insurgency in Rakhine State. ICG Asia Report №283. 15 December 2016. Режим доступа: <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/283-myanmar-a-new-muslim-insurgency-in-rakhine-state.pdf>. Дата обращения: 13.09.2017.
- ²⁴ Report of OHCHR mission to Bangladesh. Interviews with Rohingyas fleeing from Myanmar since 9 October 2016. 3 February 2017. Режим доступа: <http://www.ohchr.org/Documents/Countries/MM/FlashReport3Feb2017.pdf>. Дата обращения: 13.09.2017.
- ²⁵ Summary of the Report of the Investigation Commission for Maungdaw in Rakhine State // Embassy of the Republic of the Union of Myanmar, London, The United Kingdom. 21.08.2017. Режим доступа: <http://www.londonmyanmarembassy.com/index.php?id=350>. Дата обращения: 13.09.2017.
- ²⁶ Towards a Peaceful, Fair and Prosperous Future for the People of Rakhine. Final Report of the Advisory Commission on Rakhine State. 24.08.2017. Режим доступа: http://www.rakhinecommission.org/app/uploads/2017/08/FinalReport_Eng.pdf. Дата обращения: 13.09.2017.
- ²⁷ Aye Chan. The Development ..., с. 308-312.
- ²⁸ Thawngmung A.M. The politics ..., с. 531.
- ²⁹ Kyaw N.N. Unpacking..., с. 274-275.
- ³⁰ Симония А.А. Мьянма: кто такие рохинджа?... С. 28.
- ³¹ Kipgen N. Conflict..., с. 300.
- ³² Thawngmung A.M. The politics..., с. 532.
- ³³ Симония А.А. Буддисты..., с. 48-49.
- ³⁴ Walton, Matthew J. Misunderstanding Myanmar’s Ma Ba Tha // Asia Times. June 09, 2017. Режим доступа: <http://www.atimes.com/article/misunderstanding-myanmars-ma-ba-tha/> Дата обращения: 30.09.2017.
- ³⁵ Myanmar: A New Muslim Insurgency..., с. 6-7, 12-13.
- ³⁶ В Бангладеш каждый день прибывают две тысячи мьянманских беженцев // Сайт Организации Объединённых Наций. 06.10.2017. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=28706#.WdiNI2i0PIV>. Дата обращения: 07.10.2017.
- ³⁷ Bearak M. Conflicting emotions in Bangladesh over influx of Rohingya refugees // TheStar.Com. Sept. 29, 2017. Режим доступа:

<https://www.thestar.com/news/world/2017/09/29/conflicting-emotions-in-bangladesh-around-influx-of-rohingya-refugees.html>. Дата обращения: 30.09.2017.

³⁸ Summary of the Report of the Investigation Commission for Maungdaw in Rakhine State..., с. 3.

³⁹ Там же, с. 4-5.

⁴⁰ Aung San Suu Kyi: No ethnic cleansing of Myanmar Muslim minority // BBC News Asia. April 06, 2017. Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-asia-39507350>. Дата обращения: 30.09.2017.

⁴¹ Summary of the Report of the Investigation Commission for Maungdaw in Rakhine State..., с. 6.

⁴² India-Myanmar Joint Statement issued on the occasion of the State Visit of Prime Minister of India to Myanmar (Sept 5-7, 2017) // Embassy of the Republic of the Union of Myanmar, London, The United Kingdom. Режим доступа: <http://www.londonmyanmarembassy.com/index.php?id=368>. Дата обращения: 30.09.2017.

⁴³ China calls for understanding of Myanmar's need to protect stability // Reuters. Sept. 20, 2017. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-myanmar-rohingya-china/china-calls-for-understanding-of-myanmars-need-to-protect-stability-idUSKCN1BV0JO>. Дата обращения: 30.09.2017.

⁴⁴ Myanmar 'makes proposal' to take back Rohingya refugees // The Times of India. Oct. 02, 2017. Режим доступа: <http://timesofindia.indiatimes.com/world/south-asia/myanmar-makes-proposal-to-take-back-rohingya-refugees/articleshow/60910732.cms>. Дата обращения: 30.09.2017.

⁴⁵ См., например: Выступление Постоянного представителя В.А.Небензи на заседании Совета Безопасности ООН по ситуации в Мьянме // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 28 сентября 2017. Режим доступа: <http://russiaun.ru/ru/news/myan2809>. Дата обращения: 30.09.2017.

⁴⁶ Хрусталёв М.А. Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен // Международные процессы. 2003. Т.1, №2. С. 56.